

К ВОПРОСУ О МЕЖДИАЛЕКТНЫХ СООТВЕТСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЯХ (НА ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКОВОМ МАТЕРИАЛЕ)

И. Н. Цаллагова

На современном этапе развития осетинской диалектологии многие ее значимые и актуальные вопросы остаются нерешенными. Большинство исследований относится к исторической диалектологии и освещает вопросы, касающиеся истории развития осетинского языка, а также его места среди иранских языков. Проблемы же описательной диалектологии менее разработаны. Так, можно указать на отсутствие в осетинском языкознании современных комплексных исследований по дигорским говорам. Нерешенными остаются также вопросы, касающиеся некоторых переходных говоров современного осетинского языка. Особо следует отметить и отсутствие диалектологического атласа осетинского языка. Конечно, решение данных задач невыполнимо без многоаспектного изучения процессов, протекающих в современных осетинских (иронских и дигорских) говорах. Изучение процессов, происходящих в современной диалектной речи, признано одной из важнейших задач описательной диалектологии.

Осетинский язык включает в себя многие разновидности: литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты. Но их общие черты позволяют носителям, владеющим той или иной разновидностью языка, понимать друг друга и воспринимать речь собеседника как осетинскую.

Осетинский язык, оказавшись в периферийном положении и на протяжении многих веков находясь в окружении неиндоевропейских языков, сохранил в себе архаические черты, присущие восточноиранским языкам. Он является последним реликтом большой группы близкород-

ственных диалектов и языков, на которых говорили некогда многочисленные и могущественные кочевые скифо-сарматские племена, обитавшие на широких просторах евразийских степей. Сегодня осетинский язык бытует в Северной и Южной Осетии; на осетинском языке говорят осетины, проживающие в Грузии, а также потомки мухаджиров, переселившихся в середине XIX в. в силу определенных исторических обстоятельств в Османскую империю, и проживающих сейчас в некоторых регионах современной Турции [1].

Осетинский язык относится к редкому типу языков. Его необычный характер определен историческим взаимовлиянием исконного индоевропейского, а именно иранского, и кавказского языковых компонентов, хотя история осетинского языка дает много свидетельств и других языковых контактов начиная с древнейшего времени [2, 12].

В основу осетинского литературного языка положен иронский вариант осетинского языка (иронский диалект), на котором говорит подавляющее большинство осетин. Первоначально иронский диалект также называли тагаурским, тогда как югоосетинское наречие — туальским. Следует отметить, что термин «тагаурский» был впервые введен в научный оборот А. Шегреным, однако позднее, после специальных разъяснений Вс. Ф. Миллера, от его использования предпочли отказаться. Также отметим, что югоосетинского наречия, или говора, как такового не существует. В Республике Южная Осетия распространены несколько разновидностей осетинской речи, которые можно объединить в три отдельных говора: ку-

даро-джавское, чисанское и туалское. Надо иметь в виду, что различные авторы, которые использовали термин «туальское наречие» для обозначения говора южных осетин, фактически подразумевали куда-ро-джавский говор.

Существует также дигорский вариант осетинского языка (дигорский диалект), более архаичный, носители которого компактно проживают в Ирафском, Дигорском и Моздокском районах РСО-А. Кроме этого, дигорцы проживают в с. Озрек и Светловодское (Лезгор) Кабардино-Балкарской Республики. В дигорском диалекте выделяются два основных говора: дигорский (или дигоринский), характерный для жителей г. Дигора, и чиколинский, бытующий в других районах, жители которых говорят на дигорском наречии [3]. Некоторые особенности отмечаются также в говоре жителей с. Озрек и с. Черноярское и Ново-Осетинское Моздокского района [1]. Существуют также и смешанные наречия, соединяющие в себе черты как иронского, так и дигорского диалектов, на котором говорят жители ущелья Уаллагком, а также жители сел Карман и Синдзикау [4].

Все это разнообразие говоров осетинского языка создает благоприятные условия для возникновения фонетических, лексических и семантических соответственных явлений. Кроме того, длительность процесса развития той или иной диалектной системы также обуславливает появление языковых вариантов в одном и том же говоре.

В современной отечественной диалектологии одним из актуальных вопросов является изучение территориального и функционального варьирования языковых единиц разных уровней. Ключевые положения диалектологии как науки о строении диалектного языка были установлены и теоретически обоснованы Р.И. Аванесовым. Диалектный язык определяется им как часть общей, особым образом устроенной, системы национального языка, противоположной литературному языку во всех его функциональных и стилистических разновидностях. Диалектный

язык — это совокупность частных диалектных систем, которые характеризуются общими и различительными признаками. Предложенные ученым принципы позволили вывести отечественную диалектологию как науку на качественно новый уровень.

Каждый язык имеет определенные законы «междиалектной парадигматики», которые проявляются, прежде всего, в возможности или невозможности обнаруживать вариативность своей структуры для того или иного звена языковой системы, а также в том, что сама вариативность осуществляется в языке не по любым возможным, а только по определенным признакам, присущим конкретному языку. Исходя из этого, изучение «междиалектной парадигматики» того или иного языка не должно сводиться лишь к описанию вариантов данного звена структуры языка по говорам, а должно обнаруживать те признаки, на основе которых осуществляется его варьирование, и те закономерности, которые формируют структуру данного фрагмента языковой системы в контекстах разных диалектных систем [5, 61].

Национальный язык является сложной системой, которая включает в себе черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения языка. Соответственно, в строе языка различаются общие и различительные признаки. Благодаря общим признакам два диалекта более мелкого деления входят в состав одного диалекта более крупного деления; точно так же благодаря общим признакам диалектов более крупного деления они входят в состав одного языка. Напротив, сами диалекты выделяются благодаря различительным чертам, которыми и противопоставляются друг другу.

Понятия «общие признаки диалектов» и «различительные признаки диалектов» довольно относительны: различительные признаки диалекта, при помощи которых выделяется данный диалект, противопоставляясь другим, в то же время являются общими признаками для дробных диалектов, на которые подразделяется данный ди-

алект. И, напротив, общий признак данных диалектов может оказаться их различительным признаком в пределах более крупного диалекта [6, 9-10].

С характером сходства и различий говоров тесно связано, разработанное и введенное в научный оборот Р.И. Аванесовым, понятие диалектного языка. В отечественном языкознании значительную роль играет разработка метода описания диалектных систем как вариантов одной системы. Такой подход был теоретически обоснован на материале русских говоров в 1947 г. Аванесовым, представившим диалектный язык в виде общей системы, или «системы систем» [7, 47]. Верность такого метода обосновывается качеством диалектных систем как частей более обширной языковой общности — национального языка, находящихся между собой в отношениях системных соответствий и имеющих в своей структуре общие и различные черты [5, 51]. Модель диалектного языка дает возможность в обозримом виде в синхронном плане представить некоторый диалектный континуум как реализацию системы, состоящей из постоянных и варьирующих звеньев [8, 48].

Так, между двумя диалектами осетинского языка (дигорским и иронским) различия выявляются на всех уровнях языка, хотя и в разной степени, в частности, в области вокализма и консонантизма. К различиям в области морфологии можно отнести наличие в дигорском диалекте более архаичных форм. Лексические расхождения между диалектами обусловлены двумя причинами: разной степенью сохранности в диалектах исконного иранского лексического фонда и влиянием разных, хотя типологически и близких, кавказских субстратных языков [9, 360-364]. Общей для всех разновидностей осетинской речи является основная часть лексического фонда, а также общие черты фонетики и особенно грамматики.

Свойственные одним говорам (группам говоров, наречиям) различительные элементы языка образуют соотносительные ряды, которые в лингвистической науке обозначены как междиалектные соответ-

ствия или соответственные явления. Так, в говорах дигорского варианта осетинского языка наблюдается различение звуков *c/č, z/ž, s/š, z/ž* в позиции перед гласными [e], [i]. Данное различение определяет два основных фонетических типа дигорских наречий — чокающе-джокающе-шокающе-жокающего и цокающе-дзокающе-сокающе-зокающего [2, 445]. Для дигорской речи характерно варьирование произношения одних и тех же слов: *cirağ/čirağ* (лампа), *cinæ/činæ* (радость), *cerq/čerq* (обуюдоострый топор; меч); *zippæ/žippæ* (карман), *zillæ/žillæ* (человечество, мир, люди; масса, множество — о людях), *zenet/ženet* (рай, райский); *æxsinc'æ/æxšinc'æ* (слива), *sinzæ/šinzæ* (колючка, шип; терновник; заноза), *seræ/šeræ* (лапша, кушанье, приготавливаемое из муки и сыворотки с маслом); *zinadæ/žinadæ* (лень), *zinziɲnadæ/žinziɲnadæ* (трудность, затруднение, сложность, невзгода), *zing/žing* (огонь, искра, горящий, уголек, огненный), *zew/žew* (артель, толока, коллективная помощь, помощь кому-либо в сельскохозяйственных или других работах) и т.д. Кроме этого, существуют различные по говорам формы слов: *tabi/taɓa/tabaj/tebi/teɓæ/t'apa* (сковорода); *mink'ij/mænk'æj/mingij/mængæj/mænk'i* (маленький); *wæğæli/woğæli/oğæli/uğæli* (шиповник); *purusa/pusura/pursa* (крапива) и т.д.

Высокая степень единства систем различных говоров, а также разной степени систематичность соотносительных отличий позволяет рассматривать говоры как микросистемы, которые являются вариантами одной общей макросистемы. Диалектный язык содержит постоянные и варьирующие элементы. Единными для всех говоров являются постоянные, а варьирующие представлены рядом заменяющих друг друга в различных говорах диалектными вариантами.

Еще одним распространенным явлением является сосуществование в одном говоре разных членов междиалектного соответствия. Обычно сосуществование в одном говоре разных диалектных вариантов отражает динамику говора: один из вариантов вытесняется (но еще не вытеснен)

другим вариантом либо под воздействием соседнего говора, либо под влиянием литературного языка. Сосуществование двух вариантов может отражать также определенную стадию спонтанного развития говора [5].

В том случае, когда диалектолог в ходе исследования записывает все услышанное, установить систему крайне сложно. И поэтому, по мнению Аванесова, одним из важнейших принципов является грамотный отбор. Довольно часто в одном и том же населенном пункте можно наблюдать языковые факты, которые относятся к разным говорам. Данное явление объясняется тем, что в пределах одного населенного пункта может сосуществовать несколько систем, свойственных разным социальным группам местного населения. Как правило, одна из этих систем более устойчива, чем другая. На сегодняшний день таких территорий, говоры которых не испытывали бы в той или иной мере влияния со стороны соседних диалектов или литературного языка, практически нет. Более того, даже в пределах одной категории объектов часто отмечается двойственность или противоречивость [6, 67].

Как известно, диалектная речь — это, прежде всего, устная форма реализации. Сбор диалектного материала происходит, главным образом, при помощи непосредственного наблюдения над устной спонтанной речью носителей говоров и анкетного метода. Последний предполагает сбор сведений с помощью специально подготовленных программ-вопросников. Как правило, вопросы могут относиться к разным уровням языковой системы или носить более специальный, узкий характер (например, вопросник для сбора материала по лексике или фонетике). Соотнесение обретенных таким образом данных дает потенциал для определения особенностей в речи информантов и, тем самым, способствует выявлению характеристик того или иного говора. Однако пока полного вопросника по диалектологии осетинского языка не существует. Нами разработана программа, которая в основном рассчитана на сбор ма-

териала по фонетике и лексике дигорских говоров. Изначально она включала около 150 пунктов, но после апробации в нескольких населенных пунктах программа пополнилась еще несколькими пунктами.

Следует отметить, что метод опроса может применяться в основном при сборе материала по лексике, при наблюдении же над другими сторонами говора — фонетикой, морфологией, синтаксисом — этот метод не совсем подходит. Однако надо иметь в виду, что не только в лексике, но и в фонетике и морфологии мы имеем дело зачастую с отдельными словами или их ограниченными группами. Так, например, в дигорских говорах мы имеем разные варианты произношения некоторых слов: *didinæg/dedenæg* (цветок), *ǵurc'æ/ǵunc'æ* (размятый в руках комок (молодой крапивы)); *narti xwar/nantixwar/nantuxwar* (кукуруза); *rimæxsun/nimæxsun* (прятать, скрывать); *gobat/zobat* (окучивание); *alixsun/listuq kænun/tu kænun* (плевать); *mællæg/futxuz* (худой); *lask'ærttæ/razk'ærttæ* (термин для обозначения национального женского платья у осетин); *bawodajun/niffældajun* (замочить) и т.д. Мы можем также наблюдать некоторые особенности в форме образования множественного числа существительных в дигорских говорах, например: игра — ед.ч. *ǵast*, мн.ч. *ǵæstittæ, ǵæstæltæ* и т.д. В свободной беседе эти слова могут просто не попасться, и в этом случае целесообразно включить такие случаи в вопросник, или же использовать метод тематических бесед.

В ходе работы с дигорским языковым материалом, собранным во время экспедиций, нами выявлены некоторые случаи вариативности произношения, кроме того, мы попытались определить некоторую закономерность в проявлении этого варьирования. Однако установить характер и пределы диалектного варьирования каждого элемента иногда очень сложно. Это обусловлено тем, что довольно часто различные диалектные варианты могут встречаться в языке жителей одного и того же села.

Междиалектные соответствия могут относиться ко всем уровням языка, иметь

разную структуру, разное количество членов, в том числе в разные периоды развития одного языка. Различия по говорам могут быть простыми и сложными. К простым различиям относятся отдельные элементы языка — звуки, грамматические формы, слова, а к сложным — целые системы этих элементов, например, чередования звуков в разных позициях и т.п. Как правило, наиболее регулярный характер имеют фонетические и грамматические соответствия.

В осетинском языке фонетические междиалектные соответствия представлены различием некоторых гласных в иронском и дигорском диалектах:

Иронско-дигорские соответствия в области вокализма

Ир.	Диг.
а	а
о (перед <i>n, m</i>)	о
і	е
u	о
о (после <i>x, k'</i>)	wa
æ	æ
у	і
у	u
ø (отсутствие звука)	і (в начальном положении)

К ряду фонетических соответственных явлений относится также различие звуков *c/č, 3/ž, s/š, z/ž* (в позиции перед гласными [e], [i]) в дигорских говорах, о котором мы уже говорили выше.

Появление соответственных явлений в области фонетики может быть обусловлено качественными различиями фонем. Например, в ряде дигорских говоров *c, č, 3, s, z* перед гласными [i], [e] сильно палатализуются, переходя (например, в моздокском говоре) в *č, č', ž, š, ž*. В иронском такого качественного перехода данных звуков нет (за исключением некоторых говоров): ир. *Syrag'*/диг. *čirağ* (лампа); ир. *c'iw*/диг. *čew* (птичка), ир. *zykku* диг. *žikko* (волос), ир. *s (š) izær*/диг. *šezær* (волос, коса) и т. д.

Междиалектные соответствия осетинского языка в области грамматики сводятся к различиям в падежных окончаниях иронского и дигорского диалектов: 1) к закономерному чередованию гласных ир.

[y], диг. [i] в формах родительного падежа (*гуырынон хауæн*), например: ир. *bæxty*/диг. *bæxti*; ир. *fydy*/диг. *fidi*; 2) разные формы направительного падежа (*арæзтон хауæн*) во мн.ч. ир. *-æt*/диг. *-ætæ*, например: ир. *Bæxtæt*/диг. *bæxtætæ*, ир. *fydmæ*/диг. *fidæmæ*; 3) различие формы местно внешнего падежа (*æддагбынатон хауæн*) — ир. *-yl*/диг. *-bæl*, например: ир. *bæxtyl*/диг. *bæxtæbæl*, ир. *fydyl*/диг. *fidæbæl* и т. д.

Лексические междиалектные соответствия представляют собой различные названия одного и того же предмета или явления в разных говорах, например: *nori, bodæn* (чеснок); *fitxwasæ, kenže* (укроп); *get're, xwærgænasæ* (огурец); *bunbuli, bonbuli, pak'u* (перо птицы); *nesi, fiwnasæ* (дыня); *sænæfseræ/sænžeri* (виноград); *tuta/lisk'æf* (тутовник); *semickæ/soxuran (sohra. soxran, soxura)/qæne* (подсолнух) и т. д.

Есть случаи, хотя и не частые, когда одно и то же слово в разных говорах обозначает разные предметы, что определяет образование семантических междиалектных соответственных явлений. Так, осетинское слово *kuræt* как в иронском, так и в дигорском означает «бешмет». Однако в говоре моздокских дигорцев данное слово употребляется для обозначения женского платья, в то время как для обозначения женского платья в иронском существует слово *k'aba*, а в дигорском — *p'olci* [10]. К семантическим соответствиям относятся также такие лексемы, как: *irajun* — диг. кипеть, ир. *rajun* — радоваться; диг. *cafsun* — гореть, ир. *cafsyn* — прилипнуть; диг. *bek'æ* — вершина, угол, ир. *bik'* — пупок и т. д.

Таким образом, понятие диалектного языка как части общей системы национального языка, а также как совокупности частных диалектных систем, характеризующихся общими и различительными признаками, введенное в научный оборот Аванесовым, позволяет определить и описать диалектные различия не только говоров русского языка, но может быть также успешно использовано в исследованиях диалектов и говоров других языков. На сегодняшний день такого рода исследований осетинского языка, его диалектов и

говоров проведено не было, хотя попытки определить соответственные явления на иронско-дигорском материале предпринимались [11]. Использование данного подхода при исследовании говоров и диалектов

современного осетинского языка представляется нам целесообразным, поскольку дает ключи к решению целого ряда актуальных проблем современной осетинской диалектологии.

1. Цаллагова И. Н. Переселенческие говоры дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. Вып. 17 (56). 2015. С. 89-99.
2. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
3. Таказов Ф. М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. Владикавказ, 2009.
4. Цаллагова И. Н. К вопросу о переходных говорах осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/121-19541> (дата обращения: 07.06.2015).
5. Бромлей С. В. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М. 2010.
6. Аванесов Р. И. Вопросы методики наблюдений над говорами // Бюллетень диалектологического сектора института русского языка. 1948. Вып. 4. С. 60-69.
7. Аванесов Р. И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1947. Т. VI. Вып. 3. С. 211-228.
8. Калнынь Л. Э. Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова/Отв. ред. Н. Н. Пшеничнова. М., 2002. С. 47-53.
9. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Ч. I.
10. Цаллагова И. Н. Некоторые особенности говора осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/119-14713> (дата обращения: 02.10.2014).
11. Абаев В. И. Осетинская диалектология. М.-Л., 1941.